

Wawrzyniec Popiel-Machnicki
Bartosz Osiewicz

Дневники путешествий Бронислава Громбчевского как опыт мемуарной литературы

Bronisław Grombczewski's Travel Diaries as Experimental Memorialistic Literature

Bronisław Grombczewski, a son of a Polish participant in the January Uprising (1863), chose a career path in the tsarist army of the Russian Empire and became a general under Tsar Alexander III and Nicholas II. Grombczewski was famous thanks to his service in Central Asia, where as a diplomat and intelligence officer he defended the interests of Russia in its struggle against the British Empire for the Silk Road. His travel diaries, covering numerous expeditions, are an invaluable source of knowledge about the history and life of the inhabitants of this region. Moreover, Grombczewski's notebooks reflect the policy of Russia in the late nineteenth and early twentieth centuries. In addition to their value as a historical document, they give personal insight into Grombczewski. The purpose of this article is to identify the features of the diary genre in which Grombczewski worked. Attention will be paid to the culture of diary-writing in this historical period; the problem of the correlation between the elements of historical narrative and an intimate narrative; question of the addressee (the most important addressee was the Russian Emperor); functions performed by the general's diary.

Бронислав Громбчевский, являющийся сыном польского участника Январского восстания 1863 года, выбрал путь карьеры в царской армии Российской империи, став генералом при царе Александре III и Николае II. Громбчевский стал известным благодаря своей службе в Центральной Азии, где как дипломат и разведчик защищал интересы

России в ее борьбе против Британской империи за "шелковый путь". Во время многочисленных экспедиций он вел дневники путешествий, которые являются бесценным источником знаний об истории и быте жителей этого региона. Более того, записки Громбчевского отражают политику России конца XIX – начала XX веков. Кроме официального ха-

рактера они имеют и сугубо личный оттенок. Целью настоящей статьи является выявить особенности дневникового жанра, в котором работал Громбчевский. Будет обращено внимание на время возникновения дневников; проблему соотношения в них элементов исторического нарратива с интимным повествованием об увиденном и прожитом; вопрос адресата (самым важным адресатом был российский император); функции, выполняемые дневником генерала.

Вторая половина XIX века отразилась в истории Европы соперничеством империй в борьбе за превосходство в политической и экономической сферах жизни. Одним из ярких примеров такой деятельности европейских держав было осуществление Австрией, Германией и Россией трех разделов Речи Посполитой, которая на 123 года исчезла с карт мира в конце XVIII столетия. Поляки не смирились с такой ситуацией и многократно предпринимали попытки освободиться. В этом контексте следует упомянуть Ноябрьское восстание и войну против России 1830–1831 годов, а также Январское восстание 1863 года. Они закончились поражением. Одним из по-

следствий разгромов были трагические судьбы поляков. Многие из них погибли, оставшиеся при жизни превратились в ссыльных.

Ярким примером такой участи была история семьи Громбчевских. За участие в Январском восстании Людвиг Громбчевский – отец героя настоящей статьи – был сослан в Россию, а его имение в Жмуди было конфисковано. Жена Людвига – Эмилия, со своими детьми была вынуждена искать помощи у семьи в Варшаве. Ее сыну – Брониславу Громбчевскому было тогда 11 лет. Вскоре он был вынужден задуматься о своем будущем. Несмотря на трагическую судьбу отца и антироссийские настроения, он выбрал путь сближения с Россией. Став учеником, а потом выпускником классической гимназии в Варшаве, он решил поступить вольноопределяющимся в царскую армию, начиная многолетнюю офицерскую карьеру, законченную получением звания генерала-лейтенанта и назначением при Николае II астраханским губернатором и атаманом казачьего войска (см. Плещачиньски 2017: XXX).

Известность Брониславу Громбчевскому принесла служба в Центральной Азии, с

которой генерал и путешественник был связан свыше 20 лет. Необходимо подчеркнуть, что эти территории были ареной так называемой “большой игры”, в которой принимали участие в основном Великобритания и империя Романовых (Сергеев 2016). Громбчевский предпринимал путешествия, прежде всего, по поручению Русского Географического общества, главой которого был сам император. Мы знаем, однако, что настоящей целью этих странствий была разведывательная работа. Генерал выполнял заранее определенные задания (среди них следует назвать, между прочим, астрономические, метеорологические и топографические наблюдения и вычисления, гипсометрические определения), которые сопровождались тщательным отчетом в виде дневниковых записей. Обработанным путешественником и подготовленным им к печати (этот текст впервые был опубликован лишь в 2015 году [Басханов, Колесников, Матвеева 2015]) является материал по результатам экспедиции, проведенной им в 1888 году в Канджут и Раскем. Пристального внимания заслуживает, однако, документ – *Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-*

Западный Тибет. 1889–1890 годов, который в рукописной версии пролежал свыше 120 лет в российских архивах (см. Попель-Махницки 2017: XXXVIII). Он интересен своей формой и содержанием, отражающими как специфику путешествия, так и ежедневные впечатления Громбчевского, запечатленные им в письменном, лишенном редакционного вмешательства виде.

Дневниковые записки Громбчевского нуждаются в генологическом описании. Во время путешествия 1889–1890 годов генерал почти ежедневно, соблюдая хронологию событий, несмотря на внешние обстоятельства, такие как погода, местонахождение, состояние здоровья, заполнял страницы своего дневника. Можно задаться вопросом – в каком именно жанре работал путешественник? Этот вопрос является обоснованным, поскольку в это время большой популярностью – имея в виду художественную литературу – пользовались путевые дневники. Русская литература, включая памятники древнерусской письменности (один из лучших примеров – *Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли*, являющееся описанием паломнического путешествия в Святую землю),

а также произведения сентиментализма и романтизма, дала надежную основу для развития этого жанра. Дневник путешествия, представляющий собой датированную запись увиденных мест, впечатлений и приключений автора, приобрел свойственную ему форму в XIX столетии. Уже тогда было замечено, что такого рода записи обладали литературными особенностями (Sierotwiński 1970: 80). Однако становление дневника путешествия как литературного жанра активизировалось уже в XVIII веке, когда были опубликованы произведения Иоганна Вольфганга Гете, Теофил Готье или особо популярного в России Астольфа де Кюстина, написанные в этом жанре. Если учитывать, что дневники времен Александра Пушкина характеризовались, в первую очередь, беллетристической направленностью, где авторский герой-рассказчик делился своими размышлениями и “упражнялся” в литературной области (Bernacki, Rawlus 1999: 401), то записи в дневнике Громбчевского, включая в себя указанные элементы, выходили за эти рамки. В нем сосредоточивались такие черты как: документальность (их авторы подробно называли место и вре-

мя путешествия, имена встреченных людей) и интимность (путешественники раскрывали свой внутренний мир, говоря о своих личных впечатлениях по отношению к фактографическим данным и событиям объективной действительности). Существенными в этом контексте являются общественная позиция автора, его происхождение, влияющие на его мировоззрение, отражающиеся в тексте. Стилистическая форма этой записи не является однообразной. Она может выражаться как репортаж, фельетон, эссе или хроника. В зависимости от выбранной автором функции дневника в его структуре акцентируются отдельные названные жанровые элементы. Благодаря этому, путевой дневник Громбчевского характеризуется богатой и насыщенной разновидностью этого жанра.

В случае дневника российского путешественника существенным является вопрос о времени его возникновения. Согласно генологическим параметрам, дневник как автобиографический жанр, характеризуется тем, что в нем не видно разрыва между “временем написания и временем, о котором пишут” (Мильчина 1987: 12), “материал не отбира-

ется и новости записываются ‘по горячим следам’” (Жожикашвили 2003: 234). Итак, Громбчевский создает свой текст сразу, в момент путешествия, в отличие от авторов, пишущих свои автобиографии и мемуары на закате своей жизни, в период подведения ее итогов. Годы путешествия генерала Громбчевского совпали с бурным историческим периодом, который в этой части мира был связан с геополитической борьбой за “шелковый путь”. Немаловажное значение играл Афганистан, который являлся непреодолимой границей, разделяющей британскую и российскую сферы влияний. Необходимо подчеркнуть, что экспедиция Громбчевского, личный состав которой был немногочисленным, хотела оставить свой яркий отпечаток и свое влияние на центрально-азиатской территории. В качестве примера можно привести описания праздников, отмеченных Громбчевским и его подчиненными; праздников, которые согласно календарю были связаны с царской семьей. Итак, 30 августа 1889 года в дневнике автор описал как они праздновали именины Александра III:

В 9 ч. утра люди в чистых гимнастических рубашках, новых брюках и сапогах, вымытые, выбритые выстроились перед своею палаткой. Поздоровавшись, я скомандовал: “на молитву, шапки долой!” и мы сообща пропели Отче наш, Спаси Господи, Радуйся Благодат. и многолетие Государю и Царствующему Дому. Затем я поздравил с праздником и поднес чарку со спиртом за здоровье Обожаемого Именинника. Раздалось дружное могучее “ура” вероятно первое на этих высях Азии. Кроме спирту курящие получили по ½ ф. хорошего табаку и папиросной бумаги, а некурящие по фунту сахару и все улучшенную пищу, венец которой составлял плов. Когда мы возносили горячую молитву к Всевышнему, то члены-мусульмане экспедиции, по почину секретаря Мулла Фазыл Бека, собрались в отдельную группу и, повернувшись лицом к западу, молились отдельно о здравии и благоденствии Государя и успехе нашего общего дела.

Тронутый таким редким со стороны мусульман вниманием, я, в ознаменование высокотождественного дня, выдал из запасов экспедиции – старшим членам экспедиции кумачу на платье, а младшим небольшие денежные награды (Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньски 2017: 179).

Приведенный пример отражает не только преданность автора Государю – протектору экспедиции, но является и доказательством его желания акцентировать российское присутствие в этой части мира.

Путешественник и его люди прекрасно понимали, что их поведение и влияние на местных жителей будет замечено англичанами. В это же время, в тех же местах проводилась экспедиция, возглавляемая капитаном британской армии Фрэнсисом Янгхазбендом, знаменитым путешественником, который выполнял ту же функцию, что и Громбчевский. На страницах дневника российский генерал неоднократно описывает встречи обеих экспедиций. Следует отметить, что они были соперниками, хотя во время их

разговоров они вели себя как джентльмены, тщательно скрывающие под этой маской настоящие лица разведчиков, выполняющих задания, порученные им главами Британской и Российской империй. В дневниковых записях Громбчевского можно найти информацию о том, что их любезные на первый взгляд встречи, часто имели серьезные последствия как для здоровья членов экспедиции, так и успеха их деятельности (см. Плескачиньски 2017: XXIII). Кроме того, российский генерал не обошел вниманием разницу в экипажном состоянии обеих экспедиций. Англичане, в его оценке, были невероятно богато снабжены и оснащены, по сравнению с россиянами:

Вскоре после моего приезда явился, посланец, от капит. Янхузбенда с любезным письмом, в котором он поздравляет меня с приездом и радуется возможности возобновить знакомство. Я сделал визит. Экспедиция снаряжена поистине великолепно и очень богата. [...] Я с особенным удовольствием выпил бокал шампанского. Это первый стакан вина по-

чти за два года (Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска 2017: 514).

На основании этих примеров можно сделать вывод, что дневник Громбчевского полностью лишен литературного вымысла, свойственного художественным автобиографическим текстам. Он вписывается в жанр латинского *diarium*, являющегося ежедневными фактографическими записками (Bernacki, Pawlus 1999: 401). Дневниковые записи Громбчевского вписываются в жанровую характеристику этой формы, поскольку содержат описания (географические, природные, этнографические) данной территории и местностей, энциклопедическую информацию на их тему, характеристику способа путешествия и описание событий, с которыми столкнулся автор, и наконец, размышления спутников путешествия и встреченных людей (ср. Bernacki, Pawlus 1999: 401). Одним из многочисленных примеров дневникового фактографического повествования является история проведения метеорологических или гипсометрических наблюдений, которые осуществлялись путешественником ежедневно.

В эти записи часто включалась и добавочная информация, например, характеристика членов экспедиции, состояния их здоровья, а также черт их личности. Читатель может увидеть, что Громбчевский оставляет в своем тексте заметные следы своих симпатий и антипатий, своего отношения к другим. Особое место занимает в этих описаниях препаратор-коллектор экспедиции, господин Леопольд Конрад. Упоминая его имя, Громбчевский не скрывает своего эмоционально-отрицательного отношения к немцу, который – по оценке автора – не является профессионалом. Дневник хранит информацию, которая может подтверждать такое мнение, попутно вызывая у читателя невольную улыбку. Это касается напр. истории с исчезнувшим спиртом:

Ночлег на очень высоком месте: 5283 метра, что, если aneroid не врет, составляет около 18/т. футов. Энтомологические сборы прекратились. Второй день не находим решительно ничего. Сегодня сделал проверку в сундуках со спиртом и оказалось, что в 4 больших $\frac{1}{4}$ ведерных

банках нет почти ни капли. Удивлению моему не было пределов, так как сундуки со спиртом постоянно заперты, а ключи находятся у коллектора. По ближайшему осмотру оказалось, что вследствие недосмотра г. Конрада притертые пробки были перемешаны и неплотно запирали банки со спиртом. Такая небрежность просто невыносима: экспедиция потеряла $\frac{1}{3}$ всего спирта, а содержание коллектора обходится страшно дорого. Для него содержатся 4 лошади и человек (верх., две под вещи и под человека), кроме жалованья и полного содержания. Это уже второй случай поразительного невнимания к своим обязанностям (Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска 2017: 123).

В дневниковых записках Громбчевского исторический нарратив перекликается с интимным повествованием о увиденном и прожитом. В тексте путешественника раскрывается его яркая незаурядная личность. Это не должно вызывать никаких сомнений, по-

скольку жанр дневника, рядом с такими формами как мемуары, воспоминания и собственно автобиография, является видом эгодокумента (Bernacki, Pawlus 1999: 51). Строки дневника хранят образ автора, одновременно выполняющего порученное ему задание и обнаруживающего в нем питательную почву для развития его интересов, увлечений, а также реализации юношеских мечтаний. В детстве Громбчевского существенную роль сыграл его дядя Северин Гросс, который, являясь орнитологом, привил молодому Брониславу страсть к природе и приключениям (см. Плескачиньски 2017: X). В воспитании будущего генерала навсегда оставило отпечаток его шляхетское происхождение. Несмотря на то, что в дневнике он крайне редко упоминал свой родной дом и семью, читатель неоднократно увидит намеки на его общественный статус и происхождение, о чем он умеет сказать, употребляя стилистику, свойственную художественной литературе. Лучшим примером является описание генерала аборигенным населением азиатской территории, услышанное им в пути. В нем обнаруживается гиперболизация и некая авторония:

Туземцы еще в Маргелане прозвали меня Узун-Аяк-тюря (длинноногий дворянин). Прозвище это привилось и под этим прозвищем я хорошо известен не только в Фергане, Кашгарии и Бухаре, но и на Сары-Кие, с тою разницею, что стоустая молва прикрасила, что я такого громадного роста, что одна лошадь не может поднять меня, и я ездю на двух лошадях, связанных вместе. Этой басне я обязан огромному любопытству среди местного населения. Посмотреть на меня приезжают за 40–50 верст и уезжают разочарованными, найдя самого обыкновенного человека (Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска 2017: 330).

Может возникнуть впечатление, что в своем дневнике путешественник создает собственную легенду, преувеличивает и гиперболизирует. Такое ощущение исчезает, когда читатель встречается с описаниями реалий, с которыми столкнулся Громбчевский. Путь, по которому про-

двигалась экспедиция, не был труден. Алайская долина, окружающие ее высокие горы неоднократно встречали путешественников жестокой погодой, невообразимой для приезжих. Громбчевский вспоминает, как во время работы над дневником у него замерзали чернила:

На ночлеге очень холодно. Чернила стоят в кипятке и замерзают на пере после нескольких слов, но, слава Богу, ветер преследовавший нас несколько дней, утих. Мороз без ветру терпеть можно (Там же: 329); Теперь 9 ч. в. и уже -28°C морозу; что-то будет к утру?! от чернил пришлось отказаться. Чернила, несмотря на то, что стоят в кипятке, мерзнут на пере моментально. Не удастся написать даже $\frac{1}{2}$ слова (Там же: 354).

Поэтому описания, в которых Громбчевский и его люди изображены храбрыми, стойкими, мужественными, не являются гиперболизацией. Экстремальные условия заставляли путешественника преодолеть их и продолжать продвигаться по заранее

назначенному маршруту. В тексте дневника не появляются никакие намеки на то, что Громбчевский мог бы сдать, не выполнить свой офицерский долг. В этом попутно раскрывается такая черта польского национального характера, как гордость. Что интересно, генерал понимал, что его позиция в царской армии может подвергаться сомнениям из-за его польского дворянского происхождения. Поэтому в своем дневнике он открыто не поднимает вопросов своей национальности, подчеркивая на каждом шагу свою лояльность российскому императору. Он понимал, что не может поступать по-другому. Это заметно в его контактах с туземцами, где он выступал как посланец “Белого Царя”, который “окажет им защиту и покровительство” (Там же: 147). Такого поведения он ожидал и от своих солдат, по отношению к которым был требовательным и строгим, но всегда справедливым. Гордость, храбрость, мужественность Громбчевского сочетались с его чувствительностью. Присутствие впечатлительного автора в тексте дневника легко обнаруживается в описаниях его контактов с туземцами. Генерал испытывал сочувствие к оскорб-

ленным и униженным, а его пропитанные чувством сострадания описания бедных горцев показывают, что он являлся тонким наблюдателем, не лишенным критического взгляда. Эти качества заметны в характеристике жителей Кашгарии:

Одежда горцев та же, что и в других местностях: на ногах лапти из невыделанной бараньей или другой кожи, вместо портянок высокие чулки из войлока, на голове меховая шапка, на теле матовая рубашка и штаны, сверху матовый халат, а чаще халат, сшитый из войлока. Тип некрасивый: особенно некрасивы и невероятно грязны женщины. Дети в большинстве без обуви и белья, а на голое тело имеют надетые шерстяные или кошомные халаты, подпоясанные веревочкою. Женщины, не соблюдая сами никакой чистоты, не наблюдают и за детьми, которые невероятно грязны. Отсюда масса кожных болезней, а паразитами кишит не только платье вообще у всех, взрослых и детей, но и подстилоч-

ные кошмы (Там же: 505).

Интересным вопросом является отношение Громбчевского к женщинам, что запечатлено в *интимной части* его дневника, страницы которого насыщены женскими образами:

Сегодня видел женщину, которая сидела на берегу реки с грудным ребенком на коленях, а другого мыла. Это прототип мадонны. Более красивых, правильных черт лица трудно подыскать, но выражение лица поразительно скорбящее-строгое. Дети грязные и с вздутыми животами, что следует приписать скудному питанию, преимущественно тузовыми ягодами (Там же: 67).

Может возникнуть ощущение, что такой тип описания женщины не только навеян религиозными ассоциациями, но и имеет сакральный смысл. Однако читатель экспедиционных записей генерала Громбчевского заметит, что их автор старался скрывать католическое вероисповедование своих польских предков. Анализируя женские образы, по-

являющиеся в дневнике, скорее всего следует учесть специфику мусульманской культуры. Путешественник и участники экспедиции – это мужчины, которые на долгие месяцы были оторваны от родных домов. Они тосковали по теплу домашнего очага и женщинам, которые там остались. Какая-либо попытка сближения с жительницами Центральной Азии была исключена. Об этом знал и Громбчевский, и его люди. Скрытые мечты просачивались на страницы дневника в виде интимных описаний, указывающих женщин в сексуальном контексте. Могут удивлять сугубо личные отрывки дневника, свидетельствующие не только о скрываемых страстях, но и секретах поведения генерала. Среди них выделяется фрагмент, в котором говорится о вуайеризме автора: “Сегодня, наблюдая в трубу, я видел, как женщина молодая и очень красивая отдалась соседу в течение 15 минутного отсутствия мужа. По-видимому это старая связь” (Там же: 67). Что интересно, это пристрастие не оставалось тайной Громбчевского – туземцам он говорил: “при помощи трубы, я могу видеть все, что делается на земле” (Там же: 29). Интерес-

ным исследовательским объектом для психоаналитика является описание Громбчевским буддийской притчи, повествующей о возникновении религии Далай-Ламы. Морковь, посланная Господом бедному голодному Мулле Муни, оказывается инструментом грешных игр молодой девушки:

Однажды Мулла Муни пошел вверх по течению реки. Шел он долго, сильно проголодался и устал и сел близ одного забора в ожидании ежедневной подачи. Вдруг он увидел, что из забора полетела морковь в воду и поплыла вниз по течению реки. Вскоре через забор выброшена была в реку вторая морковь – и тоже последовала за первой. Удивленный Мулла Муни поднялся с места и потихоньку посмотрел через забор и увидел на огороде, засеянном морковью, молодую девушку, которая, держа в руках морковь, занималась онанизмом и окончив – бросила морковь в воду (Там же: 242).

Этот отрывок доказывает, что в дневнике находятся глубоко

интимные записки, которые не остались лишь только в сфере подсознания. Как подчеркивалось, текст записок Громбчевского не подвергался ни автоцензуре, ни авторским правкам. Не исключено, что после корректуры ни Государь, ни члены Русского Географического общества не прочитали бы о сокровенных переживаниях путешественника в Центральную Азию. Следует подчеркнуть, что жанр дневника, по своей природе, первоначально не предназначался для печати. Своеобразным исключением являются современные дневники, создаваемые сегодняшними писателями (ср. Abramowska 2002: 109). Однако эта тенденция, развивающаяся в XX столетии, не была чуждой Громбчевскому. Создавая свои записки он не хотел потерять никаких подробностей, как описываемой им действительности, так и своих впечатлений. Он не исключал, что донесет свой дневник до массового читателя. Однако прекрасно понимал, что до возможной публикации его дневник нуждался в тщательной редакционной обработке, имея в виду тоже запреты, пожелания и рекомендации организаторов и спонсоров экспедиции. Как автор дневника,

Громбчевский стремился к тому, чтобы его работа сыграла не одноаспектную роль – была полезной для армии, Русского Географического общества и одновременно указала его в глазах читателей как чуткого писателя. Поэтому после завершения экспедиции рукописи Громбчевского были переданы в руки Федора Криндача, который переписал дневник генерала, а затем редакционной работой должен был заняться секретарь РГО, Александр Григорьев (см. Попель-Махницки 2017: XXXIV). Оказалось, что издательские планы Громбчевского не осуществились при его жизни. Наряду с образом автора в тексте дневника путешествия, нельзя обойти молчанием вопрос об адресате дневниковых записей Громбчевского. Как известно, начиная свою экспедицию, генерал прекрасно понимал, что текст его дневника пишется для императора, которому подчинялись армия и государственные институты. После царя, их руководители были следующими читателями дневника, который должен давать им практическую информацию и использоваться прагматически. Громбчевский

знал об этом, но как доказывают выше названные примеры во время своего похода не думал об этом. Единственным его намерением было отразить в своей записной книжке все замеченное.

Таким образом, дневник Бронислава Громбчевского выполняет несколько функций – историческую, биологическую, географическую, страноведческую, языковедческую, культурологическую, этнологическую. Стоит однако подчеркнуть, что он обладает не только познавательной, но и эстетической ценностью. В данном случае, автор дневника несомненно имеет литературный талант, что, согласно теоретикам жанра, является залогом эстетического значения у написанного им (см. Жожикашвили 2003: 234). Поэтому дневник путешествия, созданный Громбчевским, может исследоваться и литературоведами, заинтересованными в изучении механизмов возникновения и реализации проявлений авторского я в пределах текста.

Библиография

Abramowska 2002: J. Abramowska, *Podmiot – osoba – autor // Sporne i bezsporne problemy współczesnej wiedzy o literaturze. Praca zbiorowa*, pod red. W. Bolecki, R. Nycz, Instytut Badań Literackich PAN i Fundacja “Centrum Międzynarodowych Badań Polonistycznych”, Warszawa, 2002, s. 99–112.

Bernacki, Pawlus 1999: M. Bernacki, M. Pawlus, *Słownik gatunków literackich*; wstęp Stanisław Jaworski, Park, Bielsko-Biała, 1999.

Sierotwiński 1970: S. Sierotwiński, *Słownik terminów literackich. Teoria i nauki pomocnicze literatury*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, Wrocław-Warszawa-Kraków, 1970.

Басханов, Колесников, Матвеева 2015: М.К. Басханов, А.А. Колесников, М.Ф. Матвеева, *Дервиш Гундукуша. Путевые дневники Центральноазиатских экспедиций генерала Б.Л. Громбчевского*, Нестор-История, Санкт-Петербург, 2015.

Мильчина 1987: В.А. Мильчина, *Автобиография // Литературный энциклопедический словарь*, под ред. В.Н. Кожевникова, П.А. Николаева, Советская энциклопедия, Москва, 1987.

Жожикашвили 2003: С.В. Жожикашвили, *Дневник // Литературная энциклопедия терминов и понятий*, под ред. А.Н. Николюкина, НПК “Интелвак”, Москва, 2003, с. 232–234.

Плескачиньски 2017: А. Плескачиньски, “*Нигде нет следов тропинки*”. *Центральноазиатские странствия Бронислава Громбчевского: 1876–1896 // В. Попель-Махницки, А. Плескачиньски, К. Плескачиньска, Неоткрытые путешествия: дневник экспедиции Бронислава Громбчевского 1889–1890 как свидетельство истории и элемент культурного наследия*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań, 2017, с. VIII–XXXI.

Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска 2017: В. Попель-Махницки, А. Плескачиньски, К. Плескачиньска, *Неоткрытые путешествия: дневник экспедиции Бронислава Громбчевского 1889–1890 как свидетельство истории и элемент культурного наследия*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań, 2017.

Попель-Махницки 2017: В. Попель-Махницки, *Путевые записки или литературные размышления о среднеазиатской экспедиции Бронислава Громбчевского // В. Попель-Махницки, А.*

Плескачиньски, К. Плескачиньска, *Неоткрытые путешествия: дневник экспедиции Бронислава Громбчевского 1889–1890 как свидетельство истории и элемент культурного наследия*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań, 2017, с. XXXII–LI.

Сергеев 2016: Е.Ю. Сергеев, *Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*, Товарищество научных изданий КМК, Москва, 2016.

